

Информация для цитирования:

Бактыбаева А. Т. Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова) / А. Т. Бактыбаева, А. А. Бижанова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 250—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268.

Baktybayeva, A. T., Bizhanova, A. A. (2023). Specificity of Comedy in Contemporary Kazakh Prose (E. Tursunov's Short Story Cycle). *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 250-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268

**Специфика комического
в современной прозе
Казахстана (на примере
цикла рассказов
Е. Турсунова)**

Бактыбаева Аннель

Тлеумагамбетовна^{1, 2 *}

orcid.org/0000-0001-8980-0511

кандидат филологических наук, доцент,

¹ докторант;

² заведующий кафедрой

языковых дисциплин,

* *корреспондирующий автор*

smile_1713@mail.ru

Бижанова Айнур Алибековна³

orcid.org/0000-0001-6070-7516

PhD докторант

bizhanova_aynur@mail.ru

¹ Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

² Казахский национальный
медицинский университет
им. С. Д. Асфендиярова
(Алматы, Казахстан)

³ Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

**Specificity of Comedy
in Contemporary Kazakh
Prose (E. Tursunov's
Short Story Cycle)**

Annel T. Baktybayeva^{1, 2 *}

orcid.org/0000-0001-8980-0511

PhD in Philology,

Associate Professor,

¹ Doctoral degree seeker;

² Head of the Department

of Language Disciplines,

* *Corresponding author*

smile_1713@mail.ru

Ainur A. Bizhanova³

orcid.org/0000-0001-6070-7516

Doctoral degree seeker

bizhanova_aynur@mail.ru

¹ National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

² Asfendiyarov Kazakh
National Medical University
(Almaty, Kazakhstan)

³ Kazakh national university
named after al-Farabi
(Almaty, Kazakhstan)

© Бактыбаева А. Т., Бижанова А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной истории развития комического в современной литературе Казахстана, неотъемлемой частью которой является творчество Е. Турсунова. Автор осмысливает различные подходы к исследованию иронии, сатиры, юмора: философский (Г. Гегель, Ф. Шлегель), культурологический (А. Бергсон, Б. Дземидок, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Ю. Боров, А. М. Панченко, Н. В. Понырко, В. Я. Карасев), филологический (В. Тюпа, В. Пропп, М. Ю. Асанина, И. А. Обухова, С. А. Дубровская). Научная новизна заключается в том, что впервые рассказы Е. Турсунова анализируются в заявленном аспекте. В результате исследования установлено, что, во-первых, важным средством комического в сборнике рассказов «Карашанырак» Е. Турсунова становится ирония. Во-вторых, несобственно-прямая речь иронически разоблачает окружающий героя мир («Как казахи верили в приметы»). В-третьих, прослеживается ориентация на чеховскую юмористическую традицию («Как казахи гостей принимали», «Как невесты становились женами»). В-четвертых, в юмор писателя опирается на национальные казахские традиции комического, воплощенные в фольклоре («Как казахи устраивали шумные представления»). Наконец, одним из способов построения комического сюжета в рассказах Е. Турсунова становится синтез анекдота с элементами сатиры.

Ключевые слова:

современная проза Казахстана; Ермек Турсунов; рассказ; комическое; анекдот.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this article lies in the need to construct a comprehensive history of the development of comedy in contemporary Kazakhstani literature, of which the works of Ermek Tursunov are an integral part. The author explores various approaches to the study of irony, satire, and humor, including philosophical (G. Hegel, F. Schlegel), cultural (A. Bergson, B. Dzemidok, M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev, Y. Borev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko, V. Ya. Karasev), and philological (V. Tyupa, V. Propp, M. Yu. Asanina, I. A. Obukhova, S. A. Dubrovskaya). The scientific novelty lies in the fact that Tursunov's stories are analyzed for the first time in the declared aspect. The research has established that, firstly, irony becomes an important means of comedy in Tursunov's collection of stories "Karashanyrak". Secondly, non-direct speech ironically exposes the hero's surrounding world ("How Kazakhs believed in omens"). Thirdly, there is an orientation towards Chekhov's humorous tradition ("How Kazakhs received guests", "How brides became wives"). Fourthly, the writer's humor relies on national Kazakhstani traditions of comedy embodied in folklore ("How Kazakhs organized noisy performances"). Finally, one of the ways of constructing a comedic plot in Tursunov's stories is through the synthesis of an anecdote with elements of satire. This study offers new insights into the role of comedy in contemporary Kazakhstani literature and contributes to the broader understanding of humor as a literary device.

Key words:

Contemporary prose of Kazakhstan; Ermek Tursunov; short story; comedy; anecdote.

Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова)

© Бактыбаева А. Т., Бижанова А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Творчество Е. Турсунова представляет важную страницу в истории литературы Казахстана рубежа XX—XXI веков. Окончив факультет журналистики Казахского государственного университета, он продолжил обучение на Высших курсах сценаристов и режиссеров в Москве. В Казахстане и за его пределами он хорошо известен как режиссер и киносценарист, при этом на сегодняшний день Ермек Турсунов является автором более пятнадцати книг, из которых наибольшую известность ему принес роман «Мамлюк», повествующий об ас-Захре Бейбарсе, легендарном султани Египта XIII века.

Особого внимания заслуживает изучение специфики комического в прозе Е. Турсунова: рассказы и повести сборников «Карашанырак», «Мелочи жизни», «Пурпурная корова», равно как и составляющие с ними единый контекст киносценарии «Кургак корпе» («Лоскутное одеяло»), «Шал» («Старик»), «Келин» («Невестка»), органично соединяют трагические коллизии с юмористическим их осмыслением; драматические ситуации подаются в ироническом освещении. На наш взгляд, творчество писателя и кинодраматурга воплощает его амбивалентное мироощущение: комическое и трагическое сплетаются друг с другом и определяются формулой «как в жизни». Смешное и серьезное органично дополняют друг друга, потому что «настоящий автор комедии — жизнь» [Кузнецова, 2001, с. 84]; более того, смех у Е. Турсунова призван не «отрицать», но «очищать» серьезное, высвечивать жизненные парадоксы и вскрывать противоречия, соединяя, по М. М. Бахтину, «высокое» и «фамильярно-сниженное».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Общеизвестно, что вопросы, связанные с осмыслением сути комического, его форм и разновидностей, привлекавшие внимание еще в эпоху Античности, актуализировались в период становления европейской поэти-

ки в XIX веке, прежде всего в трудах немецких романтиков (труды Ф. Шлегеля), Г. Гегеля, который вводит разграничения между «смешным» и «комическим» [Гегель, 1956].

В начале XX века принципиальными в изучении комического были работы А. Бергсона [Бергсон, 1992] и Б. Дземидока [Дземидок, 1974]. Так, комическое у А. Бергсона — это своеобразное социальное явление. Его цель — корректировка и улучшение социума. При этом воспроизводство комического возможно при помощи повторения, инверсии и интерференции, а также при наличии «общественной среды», безразличия и пребывания в социальной группе [Бергсон, 1992]. Б. Дземидок предлагает различать два вида комизма: «простой» (фарс и водевиль, в которых восприятие изображаемого не требует больших умственных усилий) и «сложный» (юмор и сатира, охватывающие многие жизненные явления, заставляющие размышлять и оценивать их, соединяют «ободряющее» и «отрицающее» начала) [Дземидок, 1974].

Русское литературоведение XX века внесло важный вклад в исследование проблем смеха, комического: достаточно вспомнить работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко [Лихачев и др., 1984], Г. Н. Поспелова, в которых комическое — это эстетическая категория, идейно-эмоциональное отношение автора к изображаемому [Поспелов, 1983]. Обобщающими для второй половины XX столетия стали исследования Ю. Б. Борева, где разграничиваются понятия «смешное» и «комическое» («не все смешное комично, хотя комическое всегда смешно» [Борев, 1997, с. 172]): если комическое имеет социальное значение, так как относится к эстетическому, ибо призвано воспитывать, то смешное, напротив, внеэстетическая категория, поэтому воспитательного значения не имеет. В трудах В. И. Тюпы комическое — это модус художественности. Напомним, что «модус художественности — универсальная концепция художественного целого. Она включает в себя соответствующий тип героя, ситуацию, позицию автора,приятие читателя, внутренне единую систему традиций и соответствующую им поэтику» [Тюпа, 2001, с. 174]. В. Я. Пропп соотносит формы комического с видами смеха, подразделяя его на «насмешливый, жизнерадостный, добрый, злой, обрядовый» [Пропп, 1999]. По мнению Л. В. Карасева, все виды смеха и юмора проявляются в двух основных типах: «смех тела», выражающий радость, телесный восторг, и связанный с оценкой действительности «смех ума», соединяющий эмоции и ум [Карасев, 1996].

Ряд работ посвящен не столько вопросам общеметодологического или теоретического характера, сколько выявлению видов и форм комического на материале конкретных литературных практик. Так, анализирующий ко-

мическое в восточной литературе Б. Я. Шидфар, созвучно Ю. Бореву, отмечает, что комическое — это действенное средство воспитания человека прекрасным, потому что оно всегда стремилось найти ключ к гармонии человеческого бытия [Шидфар, 1974]. И. С. Брагинский, исследуя специфику смехового мира Гёте, полагает, что если в некоторых книгах «Западно-восточного дивана» его смех жалящий, сатирический, потому что направлен на болтунов и обывателей, то в «Книге Рая» это добродушный юмор с элементами балагурства, который в целом напоминает шутки буршей [Гете, 1988, с. 582]. И. М. Фильштинский отмечает принципиальную роль комического в арабской литературе XIII—XVI веков: клоунады, грубые шутки, неожиданные трюки, непристойные диалоги высмеивали глупость, жадность, сластолюбие; хитрость и находчивость вызывали не только сочувствие, но чаще всего восхищение [Фильштинский, 2010, с. 556—561].

Особое место феномен смеха, комического, проблема смехового слова занимают в трудах М. М. Бахтина [Бахтин, 2012]. Разрушение установленного порядка с помощью смеха, насмешки — это поверхность комического. Оно наравне с фарсом проявляет и утверждает сущностную потребность человека в празднике. Радость праздника, взрывы смеха — это и есть открытие единства души. По мнению ученого, антитезой комического является серьезность, которая однообразна и монологична. Смех диалогичен и многопланов. Он всегда стремится к развитию и преобразованиям. Любое действительное явление никогда не бывает ограниченным, серьезным и включает в себя нечто из области комического. Примечательно, что в современном литературоведении сложился целый пласт работ, опирающихся на интерпретации проблем и смехового слова на исследования М. М. Бахтина. Так, М. Ю. Асанина считает, что сформулированная М. М. Бахтиным концепция комического стала основополагающей категорией современного литературоведения и имеет «первостепенное значение при анализе новых литературных явлений, процессов развития литературной мысли XX века» [Асанина, 2004, с. 14]. По мнению И. А. Обуховой, «смеховое слово», описанное М. М. Бахтиным и предвещающее смеховую ситуацию, воплощается в демонстрации таких элементов материально-телесной жизни, как еда, питье и т. п. Картины опрокидывания и посрамления, образы веселой смерти, использование разнообразной жестикуляции, бранных слов и выражений, амбивалентность тона, комическое трагестивирование слов — все это неотъемлемая часть «смехового слова». При этом смеховое выражение «настаивает на широком контексте, и результатом его использования оказывается возникновение сюжетных линий в художественном произведении. Это символ оптимистического начала и духовной свободы, выраженной вовне» [Обухова, 2012, с. 2]. Этот же феномен

в бахтинском ключе рассматривает С. А. Дубровская, которая полагает, что конкретные виды комического дискурса в русской литературе воплощены в «смеховом слове» В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина [Дубровская, 2014, с. 63], однако увлечение бахтинскими идеями приводит исследовательницу к некоторой «обуженности» в интерпретации, к примеру, истоков пушкинского смеха, которые коренятся не столько в народной культуре, сколько во французской маскарадной культуре.

Примечательно, что в современном литературоведении наравне с «бахтинским вектором» в изучении видов и форм комического существует целый пласт работ, в которых комическое — своеобразный принцип изображения реальности, воплощенный в различных жанрах литературы при взаимодействии лирического с эпическим, драматического с лирическим и наоборот, но имеющий фольклорные истоки. В подобном ключе на материале национальных литератур феномен смеха, комического рассмотрен в исследованиях А. Н. Уваровой, В. И. Демина, Н. Г. Ханзаровой, Т. Л. Кузнецовой и др. Так, А. Н. Уварова при анализе специфики удмуртской сатиры акцентирует внимание не только на ее жанровом воплощении, но и на генетической связи с национальной фольклорной традицией [Уварова, 1979]. В. И. Демин, говоря о мордовской смеховой культуре, подчеркивает, что ключевыми приемами сатиры и юмора (заметим, что исследователь отождествляет эти категории) становятся «остроумие и сарказм, шутка и насмешка, точность в описании деталей, гиперболлизация, противоречия между текстом и подтекстом <...>. Народная песня, частушка, сказки, пословицы и поговорки, загадки выражают легкую и серьезную, светлую и безжалостную сторону народного юмора [Демин, 2015]. Н. Г. Ханзафаров показывает взаимосвязь фольклорных и литературных традиций в татарской комедиографии, в которой сильный эмоциональный эффект достигается посредством введения «карнавальных» элементов, то есть репрезентации «карнавального мироощущения» [Ханзафаров, 1996, с. 66]. По мнению Т. Л. Кузнецовой, определенную роль в произведениях малого жанра коми литературы играет речь повествователя, пронизанная лиризмом и юмором, а лежащие в основе сюжетов курьезный случай, недоразумение или досадное недопонимание становятся причиной комического [Кузнецова, 1994].

Таким образом, опираясь на исследования предшественников, прежде всего на работы М. М. Бахтина и В. Я. Проппа, мы пришли к следующему заключению: под *комическим* мы понимаем эстетическую категорию, «в основе которой несоответствие, несообразность или алогическое противоречие явлений в искусстве, выраженное посредством оценки-смехом» [Краткая литературная энциклопедия, 1978, с. 689]. Комическое в художественном произведении может быть воплощено в конструировании сме-

ховых ситуаций, парадоксальном соединении юмора и лиризма, сатиры и абсурда, иронии и гротеска, создании героев, генетически восходящих к архетипам плута, шута, дурака и т. д.

Материалом настоящей статьи явился сборник рассказов Е. Турсунова «Карашанырак» (2020), содержащий произведения писателя последнего десятилетия и наиболее показательный в контексте рассматриваемой проблематики: юмористически воссоздавая сюжетные ситуации, нередко иронически изображая современность, писатель обращается к фольклорной казахской традиции, с которой он генетически связан.

Методологической основой настоящей работы послужили, во-первых, принципы сравнительно-исторического литературоведения, воплощенные в работах М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева; во-вторых, культурно-исторический метод, позволивший осмыслить прозу Е. Турсунова в широком историко-культурном контексте с учетом этнических традиций Казахстана; в-третьих, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому элементы серьезно-смехового в рассказах прозаика мы осмысливали в органичной связи с сюжетикой, проблематикой, образной системой, как ключевую особенность поэтики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жанровое и стилевое своеобразие сборника рассказов «Карашанырак»

Возвращаясь к анализу рассказов Е. Турсунова, сразу подчеркнем, что в «чистом виде» феномен комического в его прозе практически не репрезентирован, писатель сочетает элементы фарса, буффонады, конструирует юмористические ситуации, чтобы вскрыть важные жизненные противоречия, показать «изнанку» реальности, а нередко — её трагедийный аспект. Казахский писатель во всей полноте изображает многообразие, полифонию жизни.

«Карашанырак» — цикл рассказов с небольшими лирическими отступлениями. В основе сюжетов большинства рассказов — простые, курьезные, трагикомические события, связанные с традициями казахского народа. Например, рассказы «Как казахи невест воровали», «Как казахи придумывали имена», «Как казахи верили в приемы» и т. п. сюжетно-тематически представляют собой случаи из жизни», а в жанровом отношении представлены в форме байки. Оговоримся, что традиционно под «байкой» понимают юмористический рассказ о каком-либо происшествии, которое было в действительности. От анекдота байки отличаются, с одной стороны, развернутым сюжетом и более соотносимы с «историями из жизни», с другой стороны, описание произошедшего события в них конкретно и

реально или же призвано создать иллюзию достоверности происходящего [Осьмухина, 2015].

Непосредственная генетическая принадлежность к казахскому этносу, глубинное знание национальных традиций позволяют Е. Турсуну через обращение к фольклору, национальной обрядности осмыслить реальность современную: «*Проведение старинных обрядов и ритуалов гарантировало в будущем успешную и счастливую жизнь, здоровье потомков и общее благополучие семьи*» [Турсун, 2020, с. 10]. При этом важнейшим средством воплощения комического для Е. Турсунова становится ирония. Например: «*Если коротко и совсем просто, то мы когда-то были чемпионы мира по выживанию. Ну, действительно, как выжить в открытой степи. Где летом плюс сорок, а зимой минус пятьдесят? И ветер, сбивающий с ног. И ничего не растет. Никаких там бананов с апельсинами. Никаких фиников с орехами. Пусто. Голо*» [Там же, с. 12]. Очевидно, что писатель не пытается нивелировать или «приукрасить» современные реалии, даже природно-климатические, но посредством иронии высвечивает их колорит.

Нередко прозаик скрывается за своими героями, используя прием «несобственно-прямой речи», то есть сказа. Для комического заострения Турсунов намеренно использует в речи персонажей смешение лексики разных стилей, вводит просторечия и ругательства: «*Скажем, случился у тебя на работе кошмар: налетели финполовцы и утащили компьютеры. Якобы на проверку. Или, к примеру, санэпидемстанция наложила запрет на использование микроволновки. Да мало ли! Менты завалились и угрожают, пожарники прибыли всей бригадой, комнаты стали печатывать. Налоговики, акиматчики, прокурорский надзор... И все ждут мзды. А ты тут — раз — и зовешь к себе зятя, сажаете его во главе стола и суешь под нос баранью голову! На, скотина, ешь! И далее — по старинному рецепту. И наутро всех как ветром содуло. Никаких тебе прокурорских, никаких налоговиков с пожарными, никаких ментов с финполом! Всех подчистую!» [Турсун, 2020, с. 250]. Несобственно-прямая речь иронически разоблачает окружающий героя мир и иллюстрирует особенности взаимоотношений в обществе. Завышенная оценка происходящего события с целью проверки эксплицирована в несобственно-прямой речи, приобретает противоположное значение.*

Синтез элементов устной речи с литературной, многочисленные авторские комментарии, поясняющие особенности «национально-местной» специфики, призваны создать эффект «остранения», стилизовать текст «автора реального» под своеобразный рассказ и адресовать его диалогически-пассивному читателю. Такой прием повествования делает чужую и чуждую для читателя реальность приближенной к нему и тем самым

помогает преодолеть дистанцию между автором и читателем [Осьмухина, 2015].

3.2. Чеховская юмористическая традиция в новеллистике Е. Турсунова

Наряду с иронией другой формой воплощения комического в сборнике рассказов Е. Турсунова становится комическая ситуация, высвечивающая реально произошедший случай или явление, отклоняющееся от нормы (этической, социальной и др.). Например: *«Приезд и пребывание жениха в ауле невесты. Здесь его всячески проверяли...устраивали разные экзамены. И экзамены эти были покруче, чем даже само ЕНТ¹. Хотя, нет. Вру. Хуже ЕНТ вряд ли уже что можно придумать. И слава богу, не мы его придумали, ЕНТ это.. Мы же простодушные, казахи. И доверчивые. А придумали его люди с явной садистской склонностью»* [Турсунов, 2020, с. 124]. Комическое с его широким диапазоном эмоций и чувств позволяет осмыслить моральные сферы жизни человека. Эта особенность произведений писателя в определенной степени роднит с наследием А. П. Чехова, где «юмор имеет своеобразную общественно-психологическую и эстетическую природу» [Каменская, 2001]. Так, у Чехова одним из способов создания комического являются перечисления: «Они веровали, что там, за институтскими стенами, если не считать катарального папаши и братьев-вольноопределяющихся, кишат косматые поэты, бледные певцы, мрачные сатирики, отчаянные патриоты, неизмеримые миллионеры, красноречивые до слез, ужасно интересные защитники» [Чехов, 1975, с. 11]. У Турсунова в рассказе «Как казахи сватались» читаем: *«Жениха тоже принято расхваливать: сообщается о том, какой он весь такой “офигенный”. О том, что он в детстве переводил старушек через дорогу, потом неожиданно вырос, без блата поступил в Йельский университет и теперь там учится, а за квартиру платит сам. В ночных клубах не болтается, а, наоборот, по вечерам ходит в спортзал и на днях выполнил норматив кандидата в мастера по бодибилдингу...»* [Турсунов, 2020, с. 76]. Кроме того, для эпистолярного творчества А. П. Чехова характерна неуместность стилистического снижения, например: «Свет упал на эту бумагу, и мы увидели старинные письма и средневековые изображения. На позеленевших от времени стенах висели портреты предков. Предки глядели надменно, сурово, как будто хотели сказать: — Выпороть бы тебя, братец!» [Чехов, 1974, с. 478]. Этот прием на основе фонетического комизма активно использует и казахстанский писатель в рассказе «Как казахи на свидания ходили»:

1 ЕНТ — единое национальное тестирование. Выпускной экзамен школьников после окончания 11 класса

«Например, девушка могла не понравиться юноше. Мало ли. Вдруг он навообразал себе Шахерезаду из сказки, “ всю такую воздушную, к поцелуям зовущую”, а там сидит... извините, Мурлыч Мурло. Ну, в общем, не то, что он ожидал увидеть. Вернее, не та. И что тогда делать?» [Турсунов, 2020, с. 59].

«Писатель сам разрушает реализм своих произведений и упрощает свое эстетическое отношение к окружающей действительности, если не принимает во внимание оттенки смеха. И напротив, если он решительно использует всё то, что ему предлагает смех, то этим он обогащает и расширяет свое творчество, потому что может передать полноту жизненных явлений и перипетий», — справедливо указывал Ю. Борев [Борев, 1974, с. 104]. В рассказах Турсунова, равно как и в творчестве А. Чехова, для многопланового изображения современной действительности использованы юмор, ирония, гротеск, при этом прозаик не ставит задачи широкого эпического охвата реальности, но умело «выхватывает» наиболее «болезненные» её явления. Например: «... по деревне прошел слушок, что кое-кто кое-где и кое у кого выкрал дочь среди бела дня. ... У комбайнера вытянулось лицо, и он от неожиданности чуть не проглотил сигарету.... Где-то в закоулках его комбайнерского ума мучительно складывался пазл. И как только он сложился, комбайнер издал трубный звук, напоминавший призывный рев самца муфлона на заре в брачный период. На этот раз сбегались все остальные, и знатный комбайнер путано скомандовал приказ: “Вые...Бл...Щеце...Короче, свистать всех по коням!...” Маманя заохала, отец закручинился, а братья кинулись было в погоню, но самый младший, который кузнец, резонно вставил, что перед дорогой надо бы подкрепиться, поскольку неизвестно, сколько будет длиться погоня» [Турсунов, 2020, с. 35]. В процитированном фрагменте функция смеха — защитная. В ситуации воровства дочери и сестры смех помогает преодолеть печальную ситуацию, помогает найти в печальном — смешное. Использование автором лексики народно-поэтического характера придает словесной формуле «Маманя заохала, отец закручинился, а братья кинулись было в погоню...» эмоциональную тональность грусти, печали. Но в контексте юмористического рассказа эта формула лишь усиливает чувство комического. Брань («Вые...Бл...Щеце...Короче, свистать всех по коням!...») описана в карнавалльно-праздничном ключе, когда «фамилярно-площадная речь» маркирует изображение мира в смеховом аспекте. «Столкновение» между пониманием происходящего и выражением отношения к нему усиливает комизм и передает карнавальное мироощущение.

Юмор писателя основан на фольклорном преувеличении. По мнению Е. Турсунова, ирония помогает не только найти и выделить недостатки, но

и раскрыть достоинства: «...при любых обстоятельствах казах остается казахом. Даже если он забыл свой язык, переехал в Штаты, женился на колумбийке, а работает в НАСА. Но как бы он не шифровался, как бы не косил под американца (немца, француза, эфиопа), его нетрудно вычислить. И не потому что он ест руками, много говорит, всех перебивает, хвастается, расспрашивает каждого о родословной и ездит на самом большом в городе джипе. Нет, просто в нем живет ген. Он неустребим... Он непобедим. И он настолько силен, что всякий пришлый, попадая в казахскую среду, через какое-то время растворяется в ней и оказашивается. И дети его оказашиваются» [Турсунов, 2020, с. 213]. Комический микросюжет в структуре новеллы «Как казахи...» позволяет автору не только иронически высветить недостатки «соплеменников», но и сделать объектом иронии самого себя как части этого мира.

Более того, равно как и у А. П. Чехова, комические персонажи Е. Турсунова действуют в хорошо знакомой им обстановке, где привычные атрибуты выполняют для героев роль ориентиров (не случайно, что многие рассказы и русского классика, и современного казахстанского прозаика предваряют сюжетное развертывание описанием места действия).

3.3. Средства создания комического в рассказах Е. Турсунова

Одним из способов построения комического сюжета в малой прозе Е. Турсунова становится синтез анекдота и сатирических элементов. Сюжеты его рассказов парадоксальны и непредсказуемы, нередко тяготеют к классической форме новеллы (динамичный сюжет, неожиданность развязки), при этом именно сатира позволяет высветить многие негативные социальные явления: «Вы можете себе представить, чтобы сынок генерала КНБ женился на дочке гаишника? Из стратегических интересов? Или же дочка прокурора выскочила замуж за сына воровского авторитета? Это только оппозиционеры могут себе такое позволить. Да и то потому, что у них там выбор ограниченный. У них круг общения не такой большой (не то что у наших парламентариев и прочей политической братии. Там выбор побогаче). Вот и приходится друг к дружке в гости ходить. А куда потом их чадам деваться, если они никого больше не видят?» [Турсунов, 2020, с. 41]. Или: «Вот и выходит, что у нас в стране только один человек сидит на своем месте. Все остальные так, погулять вышли. Все перепуталось, сломалось и встало с ног на голову. А помнили бы мудрые традиции, помнили бы заветы стариков, не было бы такого бардака» [Турсунов, 2020, с. 45].

Сатиричны авторские характеристики, в которых стилистическая разноплановость позволяет экспериментировать с различными лексическими

пластами и тем самым создавать комический эффект. Например, в рассказе «Как казахи выбирали себе пару»: *«Это сегодня дочь новоявленного олигарха может привести в дом сантехника. Или того хуже — сторожа с парковки. У них, видите ли, там “любофф”...»*

И вот отмыывают потом этого сторожа от парковочной пыли, приводят в чувство, одевают в дорожных бутиках, ...и тащат в приличный офис устраивать орынбасаром (пер. начальником) к главному боссу. А зятек ни в зуб ногой. И не умеет. Хуже того, у него от такого количества новых штанов моментом срывает крышу, и вместо того, чтобы “оправдывать оказанное доверие”, он обзаводится такими же дружками на “Поршах” и начинает “зажигать по полной”. С полицейскими он разговаривает “на понял-понял”, в ночных клубах хватается дамский персонал за “что попало”, с охранниками дерется, всем остальным хамит. И приходится потом дочкиным “родакам” вытаскивать его то из одного дерьма, то из другого. А куда деваться? У них же “любофф”...» [Турсунов, 2020, с. 44].

Как известно, эффект внезапности — частое явление в «малых жанрах» юмористической прозы, и прием «застать врасплох» Е. Турсунова роднит некоторые сюжетные коллизии его рассказов с новеллами О’Генри, в основе которых лежит розыгрыш или путаница. У Турсунова сатирическая интонация в предполагаемом обращении к читателю вводит в круг осмеяния не только олигархов и их детей, но и современную молодежь как обобщенный образ. Заметим, что для современного казахстанского писателя неожиданность продиктована самой ситуацией, но при этом сам автор стремится задать условия игры: *«И что сделали? Заказали самолет. Чего мелочиться? Мы ж казахи! Не каждый же день дочка замуж выходит за француза...Потом долго искали и нашли в этом самом Бордо огромный ресторан в каком-то средневековом замке и украсили его нашими традиционными лентами и бантами, завесили все по кругу коврами и текематами в национальном стиле. Даже на официантов надели тибетейки и кимешеки. ...»*

В фойе все заставили тележками и лавками на манер восточного базара. ... Кто там будет разбираться: казахское это или какое-нибудь узбекское? А может, вообще арабское? Главное, пахнет Востоком, ну и ладно. Решили: лепить, так лепить!

И как грянули затем той! Наш. Традиционный... С шумом-гамом. С саукеле и беташаром. Невесте пошили платье со шлейфом в девять метров. Жар-жар затащили, конфетами забросали» [Турсунов, 2020, с. 204—205]. Весьма самокритическая оценка свадьбы «Чего мелочиться? Мы ж казахи!» очевидно сатирична, причем писатель иронизирует не столько над участниками национальной свадьбы, сколько над националь-

ным менталитетом в постоянном стремлении выделиться, ошеломить, удивить окружающих.

Заметим, что для передачи иносказательного автор использует лексику ограниченного употребления: грубое просторечие, жаргон, бранное слово и т. д.: *«Не нужно думать, что бай обязательно был сволыш, гад и мирод. Вовсе нет. Это советская власть его таким выставила. А зря. В те времена бай был все равно что отец родной. Он был центром мироздания, душой и сердцем казахской коммуны, поэтому к нему шли по любому поводу. И он должен был все правильно разрулить. Не по-братски, а по справедливости.*

И он первым включался, если у кого случалась беда или, того хуже, затевалась большая буча.... Он же вмешивался, если вдруг затевались местные разборки» [Турсунов, 2020, с. 215]. В характеристике бая применен элемент «полярности», для которого характерно «увенчание-развенчание».

Одним из частотных приемов создания комического в цикле рассказов Е. Турсунова становится эффект парадокса. Он позволяет ненавязчиво, но вполне конкретно акцентировать внимание на проблеме и тем самым раскрыть противоречие действительности. В его основе лежит стремление автора соединить интеллектуальный комизм с неожиданной, острой мыслью. Сама же истина у Турсунова имеет противоречивый характер, поэтому и парадокс в его рассказах — показатель единства противоречий жизни: *«Случается так, что казаху повезло, и он обустроил себе доходную норку в каком-нибудь приличном заведении. И сидит себе там, не потеет. И тут же к нему начинают подтягиваться многочисленные его родственники: дяди, тети, племянники, троюродные сестры жены двоюродного брата по материнской линии... Короче — самые близкие. Хозяин норки начинает строить из родственников оборонительные бастионы: рассказывает их по круговой на всякий случай. Те в свою очередь подтаскивают своих близких, чтобы заполнить ими дыры в штатном расписании. Постепенно образуется клан. У нас принято называть это сообщество “командой”.*

Квалификация и служебные навыки тут не всегда играют решающую роль. Зачастую они и вовсе не требуются. Тут главное — преданность, основанная на крови. Хотя сегодняшние казахи в душе не доверяют никому. Но родня есть родня. Это ж тебе не чужие люди с улицы. Вот и сидят. А работу делает какой-нибудь чужак — головастик с настоящим дипломом. Или чудак-трудоголик, которого действительно интересует результат. Все остальные имитируют деятельность. Поэтому дела у нас на госслужбе продвигаются в целом ни шатко, ни валко. Потому что государственную работу у нас делают, в основном, родственники, а не

специалисты...» [Турсунов, 2020, с. 217]. Ироническое описание того, как получают «хлебные» должности, граничит у писателя с публицистической злободневностью и способствует созданию специфически национального образа современного мира.

3.4. Ироническое в цикле рассказов

Ирония — скрытая насмешка — влияет на общий эмоциональный настрой всего произведения. Умение взглянуть на себя со стороны с улыбкой, в том числе и на перемены государственного масштаба, по мнению современного писателя, одно из народных качеств, которые казахи еще не совсем растеряли: *«Когда предстояло выбрать самого главного казахского хана, устраивалось великое толковище... Кстати, никто переться туда не заставлял, автобусами не подвозил, силком не тягал, угрожая лишением премий и не допуском к экзаменам. Явка считалась делом почетным и обязательным»* [Турсунов, 2020, с. 111].

Разнообразные оттенки иронии в малой прозе Е. Турсунова конструируются специфическими языковыми средствами. Например, в передаче добродушной иронии писатель использует игру слов на русском языке с казахским: *«Есть еще “именные” имена: Сунь-Ят-Сен, например. И целый ряд тематических: Карлмаркс, Лениниил, Эрнест, Шмидт, Мэлс (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Полас (Пушкин-Островский-Лермонтов-Абай-Сабит)...»* [Турсунов, 2020, с. 177].

Нередко устоявшееся выражение писатель использует с незначительной комической корректировкой, в результате чего его привычный смысл акцентируется: *«Гость в доме, как известно, божий посланник. Он приносит с собой благодать. Поэтому, если к тебе заявился, скажем, твой враг (или милиционер), ты должен засунуть свою гордость в одно место и встретить его со всем почетом. Первым делом ты должен лично открыть перед ним дверь и проводить его на почетное место - төр.*

Затем ты должен его накормить.

И тут важно, чтобы жена твоя не вздумала греметь посудой и демонстративно бить детей. Также нужно ее предупредить, чтобы она не стала прятать мясо в самый дальний угол морозильника. И еще, нельзя подавать еду в поврежденной посуде. Треснувшая чашка или тарелка это — посуда демонов.... И если ангел-хранитель гостя увидит, какое неуважение вы к нему проявляете, то он обидится и налетит на ваш дом проклятьем. И тогда к вам в гости будут ходить только уличные попрошайки и судебные исполнители» [Турсунов, 2020, с. 225].

Ироническая интонация сохраняется практически на протяжении всего фрагмента — описания прихода гостя в дом. Небольшой эпизод обре-

тает анекдотическую форму, где насмешка передает сочувствие, шутка — печаль, остроумное высказывание — серьезность обстановки. Е. Турсунов следует опыту А. П. Чехова, который писал, что «одна хорошая насмешка сделала бы гораздо больше, чем десяток произведений» [Чехов, 1977, с. 20—21].

Художественное «передразнивание» встречается в виде пародии в рассказе о том «Как казахи невест воровали». Пародируются общеизвестные факты современной автору действительности. При этом утрируется подражаемый оригинал при помощи гиперболизации: *«А дальше тобыктинцы отправили наутро к жагалбайлинцам солидную делегацию. Жагалбайлинцы список внимательно изучили и сделали необходимые поправки:*

- плюс за моральный ущерб,
- плюс за расстройство планов,
- плюс инфляция,
- плюс девальвация,
- плюс папин инфаркт,
- плюс мамина мигрень,
- плюс амортизация расходов,
- плюс по мелочам,
- плюс непредвиденные расходы,
- плюс происки Запада,
- плюс антиказахские санкции,
- плюс неожиданная смена правительства,
- плюс то да се...

Тобыктинцы прочтали, повздыхали, ну и согласились. А куда деваться? Виноваты же...» [Турсунов, 2020, с. 25—26]. В процитированном фрагменте использована техника создания двойного смысла, «при котором истинным становится не то высказывание, которое выражено прямо, а противоположное ему, подразумеваемое. Чем больше несоответствия между ними, тем сильнее комическое [Чавчанидзе, 2001, с. 315]. Понимание происходящего представлено в комической причинно-следственной связи. Оно раскрывает механизм появления духовного кризиса современного казахстанского общества. Как пишет О. В. Полухин, «выражение комического соединило в себе социальную, этическую и философскую проблематику» [Полухин, 1996, с. 6].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, цикл рассказов Е. Турсунова о традициях казахского народа представляет собой богатый материал для анализа комического. Комическое в рассказах выполняет различные функции: защитную, пото-

му что помогает найти в печальном — смешное; акцентную, ибо не только выделяет недостатки, но и раскрывает достоинства героев; карикатурную, поскольку отражает социальные явления; развлекательную, так как использует различные средства языка. Писатель не ограничивает себя только комическим. В некоторых рассказах («Как казахи невест воровали», «Как казахи выбирали себе пару») для акцентуации ограниченности в понимании некоторых национальных традиций писатель использует сатиру. В его новеллах определенную роль играют брань, игра словами и пословицами, расстановка смеховых акцентов, парадокс, прием неожиданности, комический диалог, комическая сценка с комментариями, передразнивание. Во многие рассказы («Как казахи верили в приметы», «Как казахи гостей принимали», «Как невесты становились женами», «Как казахи устраивали шумные представления») Е. Турсунов привносит атрибутику народного праздника, который сродни карнавалу, меняет местами «верх» и «низ», синтезирует смешное с серьезным, лирическое с драматическим.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники

1. *Асанина М. Ю.* «Смеховое слово» в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х — начала 1930-х годов : На материале произведений “Йокнапатофского цикла” : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / М. Ю. Асанина. — Саранск, 2004. — 189 с.
2. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Теория романа (1930—1960 гг.) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 5-89216-010-6.
3. *Бергсон А.* Смех / А. Бергсон. — Москва : Искусство, 1992. — 127 с. — ISBN 5-85220-242-8.
4. *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. — Москва : Наука, 1960. — 524 с.
5. *Борев Ю. Б.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Борев. — Москва : Искусство, 1970. — 272 с.
6. *Борев Ю. Б.* Эстетика : в 2 т. / Ю. Б. Борев. — Смоленск : Русич, 1997. — Т. 1. — 496 с.
7. *Брагинский В. И.* История малайской литературы VII—XIX веков / В. И. Брагинский. — Москва : Наука, 1983. — 495 с.
8. *Гегель Ф.* Собрание сочинений : в 14 т. — Москва : Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1929—1959. — Т. 12. — 532 с.

9. *Демин В. И.* Смех моего народа. Комическое в устно-поэтическом творчестве мордвы / В. И. Демин // Финно-угорский мир. Филологические науки. — 2015. — № 4. — С. 6—11.

10. *Дземидок Б.* О комическом / Б. Дземидок. — Москва : Прогресс, 1974. — 223 с.

11. *Дубровская С. А.* «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940—1980-х гг. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 62—71.

12. *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие / А. Б. Есин. — 8-е изд. — Москва : Наука, 2007. — 248 с. — ISBN 5-89349-049-5.

13. *Каменская Ю. В.* Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. — Саратов, 2001. — 173 с.

14. *Карасев Л. В.* Философия смеха / Л. В. Карасев. — Москва : РГГУ, 1996. — 224 с. — ISBN 5-7281-0036-8.

15. *Краткая литературная энциклопедия* / Гл. ред. А. А. Сурков. — Москва : Сов. энцикл., 1962—1978. — Т. 3. — 1088 стб.

16. *Кузнецова Т. Л.* Комическое в коми литературе / Т. Л. Кузнецова. — Сыктывкар : КРИПКРНО, 1994. — 72 с. — ISBN 5-7009-0017-3.

17. *Лихачев Д. С.* Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понярко. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1984. — 295 с.

18. *Обухова И. А.* Смеховое слово в отечественной «малой прозе» 20 -х годов XX века : И. Э. Бабель, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков, П. С. Романов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Обухова. — Ульяновск, 2012. — 13 с.

19. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска деда Антропа в новеллистике М. Волкова / О. Ю. Осьмухина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 4. — С. 243—247.

20. *Полухин О. В.* Американский интеллектуально-сатирический роман 70—80-х гг. XX века (К. Воннегут, Дж. Хеллер) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / О. В. Полухин. — Москва, 1996. — 198 с.

21. *Поспелов Г. Н.* Целостно-системное понимание литературных произведений / Г. Н. Поспелов // Вопросы методологии и поэтики : сборник статей. — Москва : Изд-во МГУ, 1983. — С. 138—172.

22. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1999. — 288 с. — ISBN 5-87604-065-7.

23. *Турсунов Е.* Карашанырак / Е. Турсунов. — Алматы : Соз, 2020. — 341 с.

24. *Тюпа В.* Аналитика художественности. Введение в литературоведческий анализ / В. Тюпа. — Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-116.

25. *Тюрин Ю. П.* Перспектива памяти : кино, история, литература / Ю. П. Тюрин. — Москва : Материк, 2004. — 149 с. — ISBN 5-85646-122-3.

26. *Уваров А. Н.* Художественное своеобразие удмуртской сатиры / А. Н. Уваров. — Ижевск : Удмуртия, 1979. — 130с.

27. *Фильштинский И. М.* История арабской литературы. V — начало X века / И. М. Фильштинский. — Москва : URSS, 2010. — 528 с. — ISBN 978-5-397-00948-5.

28. *Ханзафаров Н. Г.* Татарская комедия (истоки и развитие) / Н. Г. Ханзафаров. — Казань : Фэн, 1996. — 266 с.

29. Чавчанидзе Д. Л. Ирония / Д. Л. Чавчанидзе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : НПК «Интелвак», 2001. — С. 315—317. — ISBN 5-93264-026-X.
30. Чехов А. П. Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1974. — Т. 1. — 588 с.
31. Чехов А. П. Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 3. — 627 с.
32. Чехов А. П. Полное собрание сочинений в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1977. — Т. 10. — 528 с.
33. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.) / Б. Я. Шидфар. — Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1974. — 320 с.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

References

- Asanina, M. Yu. (2004). "The laughing word" in the fiction of W. Faulkner in the second half of the 1920s — early 1930s: Based on the works of the "Joknapatofsky cycle". PhD Diss. Saransk. 189 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2012). *Collected works. The Theory of the novel (1930—1960)*, 3. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 880 p. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).
- Bergson, A. (1992). *Laughter*. Moscow: Iskusstvo. 127 p. ISBN 5-85220-242-8. (In Russ.).
- Bertels, E. E. (1960). *History of Persian-Tajik literature*. Moscow: Nauka. 524 p. (In Russ.).
- Borev, Yu. B. (1970). *Comic, or how laughter punishes the imperfection of the world, cleanses and renews a person and asserts the joy of being*. Moscow: Iskusstvo. 272 p. (In Russ.).
- Borev, Yu. B. (1997). *Aesthetics: in 2 volumes, 1*. Smolensk: Rusich. 496 p. (In Russ.).
- Braginsky, V. I. (1983). *History of Malay literature of the VII—XIX centuries*. Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).
- Chavchanidze, D. L. (2001). Irony. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: NPK "Intelvak". 315—317. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1974). *The complete works in 30 volumes, 1*. Moscow: Nauka. 588 p. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1975). *The complete works in 30 volumes, 3*. Moscow: Nauka. 627 p. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1977). *Complete works in 30 volumes, 10*. Moscow: Nauka. 528 p. (In Russ.).
- Demin, V. I. (2015). Laughter of my people. Comic in the oral and poetic creativity of Mordvins. *Finno-Ugric world. Philological sciences*, 4: 6—11. (In Russ.).
- Dubrovskaya, S. A. (2014). "Gogol and Rabelais" as a plot of Russian literary criticism of the 1940s—1980s. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. A series of literature and language*, 73 (6): 62—71. (In Russ.).
- Dzemidok, B. (1974). *About the comic*. Moscow: Progress. 223 p. (In Russ.).
- Filshtinsky, I. M. (2010). *History of Arabic literature. V — the beginning of the X century*. Moscow: URSS. 528 p. ISBN 978-5-397-00948-5. (In Russ.).
- Hegel, F. (1929—1959). *Collected works: in 14 vols., 12*. Moscow: Publishing House of Socio-economic literature (Sotsekgiz). 532 p. (In Russ.).